

АКЦЕНТЫ

ИНТЕРВЬЮ

Сергей Ениколопов: Нет такого правила, чтобы все обиженные тут же неслись убивать

Эксперт по психологии детского насилия, доцент МГУ рассказал о своём взгляде на причины, вызвавшие волну агрессии в российских школах

СЕРГЕЙ ХАКИМОВ

— Сергей Николаевич, как вы считаете, нападение вооружённых подростков на школьников в Челябинске и Улан-Удэ на прошлой неделе как-то связано с насилием в пермской школе №127?

— Когда мы обсуждаем волну подростковых самоубийств, все вспоминают так называемый эффект Вертера. Суть его в том, что если идёт сообщение о самоубийстве, стоит ожидать некой цепочки аналогичных событий. Психологический механизм вполне понятен: у людей с неустойчивой психикой появляется подсказка о способе решения личных проблем. Проблемы могут быть разными, но выход из них один. Цепочка актов насилия в школах — сначала в Перми, затем в Челябинске, а позже в Улан-Удэ — имеет ту же природу. И все эти печальные события, к сожалению, отягощены эффектом «Колумбайна» (в 1999 году двое старшеклассников устроили стрельбу в американской школе «Колумбайн» — *ред.*). Об этом забывать не стоит. «Колумбайн» существует в интернет-среде, о нём знают, и это историческое событие не потеряло своей актуальности. Вокруг подростков, устроивших «Колумбайн», в подростковой среде существует культ. Это одна причина. Вторая причина ближе именно к пермским событиям. Целый год мы слышим, как исламские террористы в Европе нападают на людей с ножами. И это очень эффективно, такая мысль проскаивает в любом тексте. Вооружённых холодным оружием злоумышленников гораздо сложнее поймать, пронести нож — это не бомбу приготовить и так далее. То есть появляется ещё одна подсказка. И если ивантеевский стрелок повторил сценарий «Колумбайна», стреляя из ружья, то три случая на прошлой неделе — тот же самый способ «рассчитаться», но уже с новыми реалиями — с помощью ножей и топоров.

— Почему подростки ведут себя подобным образом? Что заставляет их прибегать к насилию?

— Если говорить об общих причинах, я просто голову на отсечение даю, что когда следствие наберёт массу материала, то выяснится, что эти действия объясняются какими-то реальными или мнимыми субъективными обидами на соучеников, преподавателей, школу и так далее. Ну и ещё одна причина — это пермский вариант с психоневрологическим диспансером, но он больше говорит о том, как должно реагировать здравоохранение.

— Нападение на школу «Колумбайн» случилось почти 20 лет назад. Почему в России это началось так активно именно сейчас?

— Началось активно, потому что появились сообщения о событиях в Перми. А вот почему такой разрыв между «Колумбайном» и российскими событиями... Одна из причин в том, что вырос уровень образованности российской молодёжи, молодые люди стали активно читать американские и английские сайты, подражать своим западным сверстникам. Ну, к примеру, в 1994 году Курт Кобейн покончил с собой, и тут же пошла волна самоубийств, но прежде всего в англоязычных странах. А потом эта волна дошла до всех остальных стран. Рискну предположить, что русскоязычные интернет-сообщества поклонников «Колумбайна» появились намного позже печальных событий в штате Колорадо. Сакрализация событий порой происходит намного позже. Расстрел школьников в школе «Колумбайн» был 19 лет назад. Но тогда ещё не было понимания, насколько это значимо. Стрельба в американских школах была и до 1999 года, и после. Но так случилось, что именно «Колумбайн» стал символом.

трофированы. И это может оказаться ещё хуже.

— Усиление мер безопасности в школах, на ваш взгляд, может предотвратить подобные трагедии?

— Это не решит проблему, но поможет снизить вероятность повторения подобных ситуаций. В Москве, например, отрабатывается система тревожных кнопок. По сигналу охраны Росгвардия должна приехать не позже, чем через четыре минуты. Сам факт того, что такая система есть и о ней сообщается, может отпугнуть преступника. Металлодетекторы тоже не повредят, потому что большая часть учеников будет законопослушной. Но насилие из школы всегда может переместиться за её пределы. Подростки всё равно будут сходить счёты друг с другом...

Я считаю, что нужна психология школы. Психологическая подготовка наших учителей сейчас предельно слаба. Педагоги проходят соответствующий курс, не очень понимая, зачем им это. И главное, школа на сегодняшний день не является институтом воспитания ребёнка. Негласно она выполняет эти функции, потому что ребёнок проводит в школе много времени и воспитывается как воспитывается. Но учите-

ФОТО АННА ШВЕДОВСКАЯ
для выявления группы риска. На мой взгляд, нужна отдельная государственная программа, может быть, региональная. Допустим, в Перми есть хороший университет, пускай занимается. Но школьным психологам необходим инструментарий. Потому что психолог, пользующийся методиками сороковых-пятидесятых годов, не решит современных проблем.

— Как распознать ребёнка, потенциально склонного к насилию? Какие маркеры должен выявить учитель в поведении школьника, чтобы понять, что этот молодой человек может быть опасен?

— Маркеров таких на лице никто не носит. Но учитель, который общается с детьми, может для себя решить, кто из них представляет потенциальную опасность. Прежде всего нужно фиксировать, кто как реагирует на обиды, на какие обиды... Некоторые же к этому спокойно относятся: «Вы мне сказали о недостатках, ну ладно, постараюсь быть лучше». Нет такого правила, чтобы все обиженные тут же неслись убивать. Так же нужно выявлять, кто склонен к агрессивным действиям, особенно к скрытой агрессии, то есть всевозможным злым шуткам, издевательствам, доносам и так далее. Кто ведёт себя замкнуто. Человек, который обижается открыто, для нас не так опасен, чем тот, кто закрывается в себе, и мы даже не знаем, что у него в черепной коробке. Но вообще, это нужно обсуждать отдельно и очень серьёзно.

Когда следствие наберёт массу материала, то выяснится, что эти действия объясняются какими-то реальными или мнимыми обидами на соучеников, преподавателей, школу и так далее

— Сейчас многие говорят об ответственности журналистов за то, что произошло в Перми отозвалось трагедиями в других регионах: если не писать и не говорить о подобном, трагедии не повторятся. Вы согласны с такой точкой зрения?

— Никаких запретов, конечно, не нужно. Цензура точно не решит проблему. Но в журналистской среде должна

появиться некая общая этика, понимание, как описывать такие истории. Можно ведь описывать со сладострастием, а можно критически, можно успокаивать аудиторию, а можно писать о безнадёге. Журналист должен понимать меру ответственности за то, как он освещает трагедию. Он, как врач, должен руководствоваться принципом «не навреди». Но информация должна быть обязательна. Ведь подростки всё равно узнают о случившемся из социальных сетей, а сведения там часто искажены и гипер-

известны. И это может оказаться ещё хуже.

— Усиление мер безопасности в школах, на ваш взгляд, может предотвратить подобные трагедии?

— Это не решит проблему, но поможет снизить вероятность повторения подобных ситуаций. В Москве, например, отрабатывается система тревожных кнопок. По сигналу охраны Росгвардия должна приехать не позже, чем через четыре минуты. Сам факт того, что такая система есть и о ней сообщается, может отпугнуть преступника. Металлодетекторы тоже не повредят, потому что большая часть учеников будет законопослушной. Но насилие из школы всегда может переместиться за её пределы. Подростки всё равно будут сходить счёты друг с другом...

Я считаю, что нужна психология школы. Психологическая подготовка наших учителей сейчас предельно слаба. Педагоги проходят соответствующий курс, не очень понимая, зачем им это. И главное, школа на сегодняшний день не является институтом воспитания ребёнка. Негласно она выполняет эти функции, потому что ребёнок проводит в школе много времени и воспитывается как воспитывается. Но учите-